

Колесо Времени 12

Надвигающаяся Буря

(или ‘Кажется, дождь собирается’)

Роберт Джордан & Брандон Сандерсон
Перевод *wheelforme.ru*

Глава 1

Слезы Стали

Вращается Колесо Времени, Эпохи приходят и уходят, оставляя за собой воспоминания, которые становятся легендами. Легенды превращаются в мифы, но даже они оказываются давно забыты, когда породившая их Эпоха приходит вновь. В Эпоху, именуемую некоторыми Третьей, Эпоху, которая еще грядет, Эпоху, давно минувшую, вокруг алебастрового шпиля, известного как Белая Башня, зародился ветер. Этот ветер не был началом, ибо нет ни начала, ни конца вращению Колеса Времени. Однако чему-то начало было положено.

Ветер обвился вокруг величественной Башни, скользя вдоль идеально подогнанных камней и хлопая великолепными знаменами. Каким-то образом строение выглядело одновременно изящным и могущественным, возможно, отражая этим тех, кто населял его уже более трех тысяч лет. Мало кто, глядя на Башню, мог бы предположить, что внутри она раздроблена и разлагается. По частям.

Ветер дул через город, казавшийся больше произведением искусства, чем обыденной столицей. Каждое здание было чудом; даже простые гранитные витрины лавок, тщательно отстроенные руками Огир, были призваны изумлять своей красотой. Вот купол, напоминающий формой восходящее солнце. А вон фонтан, бьющий прямо из крыши, выполненной в виде двух сошедшихся вместе волн. На одной из мощных булыжником улиц друг напротив друга стояла пара стройных трехэтажных зданий, каждое в форме девушки. Мраморные строения - наполовину статуи, наполовину дома - тянулись друг к другу каменными руками, словно в приветствии, а их волосы разевались позади них, неподвижные, однако высеченные настолько искусно, что каждая прядь, казалось, трепетала на ветру.

Сами улицы выглядели гораздо менее величественно. Тщательно вымощенные, они расходились лучами от Белой Башни, словно полосы солнечного света, но свет этот мерк среди мусора и беспорядка от наплыва людей, вызванного осадой. И, быть может, не только это было причиной такого положения дел. Вывески и крыши лавок давно не видели мытья и чистки. Гниющий мусор лежал там, где его бросили, загромождая переулки, притягивая мух и крыс и отгоняя всех остальных. Опасные типы в открытую слонялись по улицам, на что прежде никогда не осмелились бы, тем более так самонадеянно.

Где же была Белая Башня, где был закон? Молодые глупцы со смехом говорили, что все неприятности в городе из-за осады и все уляжется, едва мятеж будет подавлен. Люди постарше качали тронутыми сединой головами и бормотали, что никогда еще дела не шли настолько плохо. Даже когда свирепые Айильцы осаждали Тар Валон около двадцати лет назад.

Купцов не заботили ни те, ни другие. У них были свои проблемы, в основном в Южной Гавани, где торговля по реке практически остановилась. Широкоплечие рабочие трудились под надзором Айз Седай в окаймленной красной бахромой шали, которая использовала Единую Силу, чтобы расшатать и ослабить каменную кладку, пока рабочие раскалывали камень и оттаскивали осколки.

Рукава рабочих были закатаны, выставляя напоказ темную выющуюся растительность на их крепких руках, которыми они крушили древний камень, размахивая молотами и кирками. Пот с них капал на камни и в воду, пока они пробирались к основанию цепи, которая преграждала проход в город по реке. Теперь эта цепь наполовину состояла из неразрушимого квейндияра, камня мужества, как иногда его называли. Попытка вырвать ее, чтобы вновь открыть проход в город, была изнурительной. Каменная кладка гавани – крепкая и величественная, созданная с помощью Силы – была лишь одной из наиболее заметных потерь в необъявленной войне между мятежными Айз Седай и теми, кто удерживал Башню.

Ветер промчался через гавань, мимо стоявших без дела носильщиков, наблюдавших за тем, как рабочие один за другим откалывали камни, посыпая в реку хлопья серой и белой пыли. Некоторые чересчур сообразительные – а может и наоборот – шептали, что подобные знамения могли означать только одно. Тармон Гай’дон, Последняя Битва, быстро приближается.

Покинув пристань, ветер переправился через высокий белый вал, известный как Сияющие Стены. Здесь, по крайней мере, можно было найти четкие линии стоящей по стойке “смирно” Гвардии Башни, несущей дежурство с луками наготове. Чисто-выбритье, в белых неизношенных плащах без единого пятнышка, лучники следили из-за стены, будто змеи, готовые нанести удар. Эти солдаты не собирались позволить Тар Валону пасть, пока они были на службе. Никогда Тар Валон не был покорен. Троллоки проломили стены, но были разбиты в городе. Артур Ястребиное Крыло не смог его взять. Даже Айильцы в черных вуалах, опустившие земли во время Айильской Войны, так и не захватили его. Многие называли это великой победой. Другие же задумывались над тем, что бы произошло, если бы Айильцы в действительности хотели попасть в город.

Оставляя остров Тар Валон позади, ветер пролетел над западным рукавом реки Эринин мимо Алиндаэрского Моста, возвышавшегося с правой стороны и словно поддразнивавшего неприятеля перейти его и умереть. За мостом ветер ворвался в Алиндаэр, одну из многих деревушек вблизи Тар Валона. Деревня была по большей части безлюдна, так как населявшие ее семьи пересекли мост и укрылись в городе. Вражеская армия появилась неожиданно, без предупреждения, будто принесенная бурей. Мало кто удивился этому. Мятежное войско возглавляли

Айз Седай, а те, кто жил в тени Белой Башни, редко когда были уверены в том, на что они были или не были способны

Войско мятежниц было готово действовать, но в нем царило смятение. Численностью более пятидесяти тысяч, оно окружало меньший лагерь Айз Седай плотным кольцом палаток. Между внутренним и внешним лагерем проходила строгая граница, в последнее время служащая для того, чтобы не пропускать мужчин, особенно тех, кто мог направлять *саидин*.

Можно было подумать, что этот лагерь мятежниц планировался постоянным. В нем была обстановка обычной повседневной жизни. По лагерю сновали фигуры в белом, одни в официальных платьях послушниц, многие другие в чем-то слишком к ним. Присмотревшись, можно было заметить, что многие из них были далеко не молоды. Некоторые уже дожили до седины. Но их называли “детьми”, и они послушно стирали одежду, выбивали ковры и чистили палатки под присмотром Айз Седай с безмятежными лицами. И если эти Айз Седай слишком часто поглядывали на торчащий как гвоздь силуэт Белой Башни, было бы ошибочно считать, что они взволнованы или испытывают неудобство. Айз Седай контролировали себя. Всегда. Даже сейчас, когда они понесли непоправимую потерю: Эгвейн ал'Вир, мятежная Престол Амерлин, была схвачена и заключена в Башню.

Ветер задел несколько платьев, сорвал разведенное после стирки белье и в спешке продолжил свой путь на запад. На запад, мимо вздывающейся Драконовой Горы с ее разрушенной и дымящейся вершиной. Через Черные Холмы и над широкой Карапейской Степью. Здесь участки укрытого снега цеплялись за тени под скалистыми выступами или у редких зарослей черного дерева. Настала пора прихода весны, когда свежие побеги выглядывают из-под прошлогодней травы, а на тонких ивовых ветвях появляются почки. На самом же деле, ни тех, ни других пока практически не было. Земля все еще дремала, словно чего-то ждала, затаив дыхание. Неестественная жара прошлой осени длилась и немалую часть зимы, вызвав засуху, которая иссушила почти все растения, кроме самых стойких. Когда же зима, наконец, настала, она обрушилась бурей снега и льда, принеся с собой долгие смертоносные заморозки. Теперь, когда холод отступил, разрозненные фермеры тщетно надеялись на улучшение.

Ветер промчался над бурой прошлогодней травой, качнув все еще голые ветви деревьев. Двигаясь на запад через холмы и низкие вершины, он приближался к стране, известной под именем Арад Доман, когда что-то внезапно обрушилось на него. Что-то незримое, что-то, рожденное далеким мраком на севере. Что-то, что двигалось против естественных течений и потоков воздуха. Оно поглотило ветер и резким порывом унесло его на юг, над невысокими пиками и бурьми предгорьями к одинокой бревенчатой усадьбе, расположенной на поросших соснами холмах в восточном Арад Домане. Ветер пронесся над зданием усадьбы и лагерем, поставленным на широком открытом поле перед ним, шелестя сосновыми иголками и раскачивая палатки.

Ранд ал'Тор, Возрожденный Дракон, стоял у открытого окна усадьбы, заложив руки за спину. Он все еще думал о них, как о своих “руках”, хотя теперь у

него была только одна. Левая оканчивалась обрубком. Он мог ощутить гладкую, исцеленную с помощью *саидар* кожу пальцами здоровой руки. Однако ему казалось, что на том месте должна быть вторая рука.

Сталь, подумал он. *Я – сталь. Это невозможно исправить, и ядвигаюсь дальше.*

Здание усадьбы – строение из толстых сосновых и кедровых бревен, выполненное в стиле, который предпочитали богатые доманийцы, – простонало на ветру и замолкло. Что-то в этом ветре принесло запах тухлого мяса. Не такой уж и редкий запах в эти дни. Мясо портилось без предупреждения, иногда всего через несколько минут после забоя. Сушка или засолка не помогали. Это было касание Темного, и оно усиливалось с каждым днем. Сколько еще пройдет времени, прежде чем оно станет таким же подавляющим, таким же маслянистым и тошнотворным, каким раньше было пятно на поверхности *саидин*, мужской половины Единой Силы?

Комната, в которой стоял Ранд, была широкой и длинной. Толстые бревна составляли стену, выходившую на улицу. Остальные стены состояли из сосновых досок, все еще слегка отдававших смолой и краской. Обстановка в комнате была скучной: меховой ковер на полу, пара старых скрещенных мечей над камином и деревянная мебель, на которой местами виднелись остатки коры. Все здесь говорило о том, что это был тихий домик в лесу, вдали от суеты больших городов. Не убогая хижина, конечно, – для этого он был слишком большим и благоустроенным – а, скорее, убежище.

- Ранд? – спросил чей-то тихий голос. Ранд не обернулся, но почувствовал, как Мин коснулась пальцами его руки. В следующий миг она обхватила его за пояс и прижалась головой к его руке. Он чувствовал ее заботу через узы, которые их объединяли.

Сталь, вновь подумал он.

- Я знаю, тебе не нравится... – начала Мин.

- Ветви, – сказал он, кивая головой за окно. – Видишь вон те сосны, в стороне от лагеря Башира?

- Да, Ранд. Но...

- Они клонятся не в том направлении, – закончил он.

Мин помедлила, и хотя внешне она никак не отреагировала, узы донесли до Ранда укол тревоги. Окно, у которого они стояли, находилось на верхнем этаже усадьбы, и перед ним хлопали на ветру знамена, развернутые над лагерем: Знамя Света и Стяг Дракона для Ранда, а также гораздо меньший флаг с тремя красными цветками королевских пенни на голубом фоне, отмечавший присутствие Дома Башир. Все три знамени гордо реяли над лагерем... но буквально у них под боком, иголки на соснах клонились в *противоположную* сторону.

- Темный шевелится, Мин, – проговорил Ранд. Он мог бы решить, что этот ветер был вызван им как *та'вереном*, но события, происходившие по его вине, всегда были реально возможными. Ветер, дующий в двух направлениях сразу... да, он чувствовал что-то неправильное в движениях тех сосен, хотя и не мог раз-

личить отдельных иголок. Его зрение так и не восстановилось после того нападения, в день, когда он потерял руку. Он... словно смотрел сквозь воду на что-то искающее. Зрение улучшалось, но медленно.

Это здание был еще одним в длинном ряду усадеб, имений и других укрытий, в которых побывал Ранд за последние несколько недель. После неудачной встречи с Семираг он постоянно перемещался, прыгая из одного места в другое. Ему нужно было время, чтобы все рассмотреть, все обдумать, и, как он надеялся, сбить с толку врагов, которые могли разыскивать его. Поместье лорда Алгарина в Тире было раскрыто. Жаль, оно было хорошим местом. Но Ранд должен был продолжать передвигаться.

Внизу, салдэйцы Башира установили лагерь на лугу – открытом участке земли перед усадьбой, поросшем травой и окруженном рядами сосен и елей. Сейчас называть его “лугом” казалось иронией. Даже до прихода войска он не был зеленым, а был покрыт бурьями пятнами прошлогодней растительности, изредка прерываемыми робкими свежими ростками. Ростки были слабыми и пожелтевшими, а теперь они были затоптаны копытами и сапогами.

Палатки покрывали луг. С его позиции на втором этаже, четкие ряды маленьких остроконечных палаток напоминали Ранду клетки на доске для игры в камни. Солдаты заметили ветер. Кто-то показывал на него пальцем, кто-то, не поднимая головы, продолжал начищать доспехи, носить ведра воды к коновязи и точить мечи или наконечники копий. Во всяком случае, это были не ходячие мертвецы. Даже самые стойкие могли потерять волю при виде восставших из могил привидений, а Ранд нуждался в сильной армии.

Нужда. Никто больше не спрашивал Ранда, чего он хочет или чего он желает. Все, что он делал, диктовалось исключительно нуждой, и больше всего ему нужны были жизни тех, кто шел за ним. Жизни солдат, которые будут сражаться и умирать, чтобы подготовить мир к Последней Битве. Тармон Гай’дон приближалася. И они были нужны ему достаточно сильными, чтобы победить.

Вдалеке, слева от луга, под пологим холмом, на котором покоилась усадьба, бежал извилистый ручей, покрытый желтыми пальцами камыша и карликовым дубом, которому еще предстояло зацвести. Водный путь, без сомнения, неважный, но зато отличный источник пресной воды для войска.

Прямо перед окном ветер внезапно выпрямился, и флаги стали развеваться в другом направлении. Значит, это не с иголками, а со знаменами что-то было не так. Мин тихо вздохнула, и Ранд почувствовал ее облегчение, хотя она все еще беспокоилась о нем. В последнее время это чувство стало постоянным. Он ощущал его от всех четырех клубков эмоций, запрятанных глубоко в его голове. Три от женщин, которым он позволил занять там место, один от той, что влезла туда против его воли. Одна из них приближалась. Авиенда, шедшая с Руарком, чтобы встретиться с Рандом в усадьбе.

Каждая из этих женщин будет жалеть о своем решении связать его узами. Он же хотел бы пожалеть о своем решении позволить им это сделать, по крайней мере, которых он любил. Но правда была в том, что он нуждался в Мин, нуждался

в ее силе и любви. И он использует ее, как использовал стольких других. Нет, в нем не было места сожалениям. Он лишь желал, чтобы ему удалось так же легко избавиться от чувства вины.

Илиена! произнес далекий голос в голове Ранда. *Любовь моя...* Льюс Тэрин Теламон, Убийца Родичей, был сегодня сравнительно спокоен. Ранд старался особо не задумываться над тем, что сказала Семираг в тот день, когда он лишился руки. Она была одной из Отрекшихся и могла сказать ему что угодно, если думала, что это причинит ему боль.

Она замучила до смерти целый город только для того, чтобы доказать, что она способна на это, прошептал Льюс Тэрин. *Она убила тысячи людей тысячами способов, чтобы услышать, как будут отличаться их крики. Но она редко лжет. Очень редко.*

Ранд оттолкнул голос.

- Ранд, - заговорила Мин, еще тише, чем прежде.

Он повернулся и посмотрел на нее. Она была гибкого, хрупкого телосложения, и он часто чувствовал, что возвышается над ней. Ее волосы лежали короткими темными локонами, но не настолько темными, как ее бездонные, полные беспокойства глаза. Как всегда, она решила надеть куртку и брюки. Сегодня они были темно-зеленого цвета, как хвоя на соснах снаружи. Однако, словно в противоречие этому строгому выбору, одежда была сшита так, чтобы подчеркнуть ее фигуру. Вдоль манжет тянулась серебряная вышивка в форме цветков-колокольчиков, ниже из-под рукавов выглядывали кружева. От Мин шел слабый запах лаванды, наверняка от того мыла, к которому она в последнее время пристрастилась.

Зачем одевать брюки, чтобы потом обвешаться кружевами? Ранд уже давно оставил попытки понять женщин. Все равно это не поможет ему добраться до Шайлол Гул. К тому же, ему не нужно было понимать женщин, чтобы использовать их. Особенно если у них были сведения, необходимые ему.

Ранд стиснул зубы. *Нет,* подумал он. *Есть границы, которые я не переступлю. Некоторые вещи даже я не стану делать.*

- Ты опять думаешь о ней, - сказала Мин, почти обвиняющим тоном.

Ранд часто думал, нет ли таких уз, которые работали бы только в одну сторону. Он многое бы отдал за них.

- Ранд, она же Отрекшаяся, - продолжала Мин. – Она бы убила всех нас не раздумывая.

- Она не собиралась убивать меня, - тихо проговорил Ранд, отворачиваясь от Мин и вновь выглядывая в окно. – Меня она бы оставила.

Мин поежилась. Боль, тревога. Она думала об отвратительном мужском *ай’даме*, который в тайне принесла с собой Семираг, когда явилась под видом Дочери Девяти Лун. Ее маска была разрушена *тер’ангриалом* Кадсузане, что дало Ранду возможность узнать Семираг. Или, по крайней мере, Льюсу Тэрину.

В итоге Ранд потерял руку, но в обмен захватил одну из Отрекшихся в плен. В последний раз такое положение дел разрешилось не лучшим образом. Он

до сих пор не знал, куда исчез Асмодиан и зачем вообще этот скользкий тип сбежал, но подозревал, что тот многое выдал о его планах и намерениях.

Надо было убить его. Надо было их всех убить.

Ранд кивнул, и замер. Это была его мысль или Льюса Тэрина? Льюса Тэрина, решил он. Ты там? Ему показалось, что он услышал смех. А может это были рыдания.

Сожги тебя Свет! подумал Ранд. Говори со мной! Времени мало. Мне нужно знать все, что знаешь ты! Как ты запечатал узилище Темного? Что пошло не так, и почему в узилище остались изъяны? Отвечай мне!

Да, это определенно были рыдания, а не смех. Иногда у Льюса Тэрина их было тяжело различить. Ранд продолжал думать о мертвце как об отдельной личности, невзирая на то, что сказала Семираг. Он очистил *саидин*! Порча исчезла и больше не могла повлиять на его разум. Он не сойдет с ума.

Переход к окончательной стадии безумия может быть... внезапным. Он снова услышал ее слова, сказанные больше для остальных. Его тайна наконец-то была раскрыта. Но у Мин было видение его и еще одного мужчины, слившихся вместе. Не значило ли это, что он и Льюс Тэрин были двумя разными людьми, двумя личностями, заключенными в одном теле?

То, что его голос реален, ничего не значит, сказала Семираг. Фактически, это даже ухудшает его положение...

Ранд наблюдал за тем, как группа из шести солдат осматривала линии коней вдоль правого края луга, между последним рядом палаток и опушкой леса. Они по очереди проверяли копыта.

Ранд не мог думать о своем безумии. Не мог он думать и о том, что Кадсуане делала с Семираг. Оставались только его планы. *Север и восток должны быть едины. Запад и юг должны быть едины. И вместе они должны быть едины.* Такой ответ он получил от странных существ за дверным проемом из краснокамня. И это все, что у него сейчас было.

Север и восток. Он должен был принудить их к миру, хотели они этого или нет. На востоке он добился хрупкого равновесия, завладев тем или иным способом Иллианом, Майеном, Кайриэном и Тиром. Шончан правили на юге, обладая Алтарой, Амадицей и Тарабоном. Муранди также мог вскоре оказаться у них, если они двигались в этом направлении. Оставались Андор и Илэйн.

Илэйн. Она была далеко на востоке, но он все равно ощущал клубок ее эмоций в своей голове. На таком расстоянии было сложно что-либо сказать, но ему казалось, что она чувствовала... облегчение. Означало ли это, что ее борьба за власть в Андорре проходила успешно? Что с войсками, осаждавшими ее? И чего добивались Порубежники? Они оставили свои посты, объединившись и направившись на юг в поисках Ранда, но не говорили ничего о том, что им было от него нужно. Они были одними из лучших солдат к западу от Хребта Мира. Их помощь в Последней Битве была бы неоценима. Но они покинули северные земли. Почему?

Однако Ранд не хотел встречаться с ними, опасаясь, что это будет означать очередную битву. Битву, которую он сейчас не мог себе позволить. Свет! А он-то думал, что хоть на Порубежников можно было положиться в борьбе против Тени.

Неважно, сейчас неважно. У него был мир, или что-то близкое к нему, почти во всех землях. Он старался не думать о подавленном недавно в Тире восстании и неустойчивых границах с Шончан, а также об интригах кайриэнской знати. Каждый раз, когда он думал, что скрепил одну страну, дюжина других распадалась. Как мог он принести мир людям, которые отказывались его принимать?

Пальцы Мин сжали его руку, и он сделал глубокий вдох. Он делал все, что мог, и сейчас у него было две задачи. Мир в Арад Домане и перемирие с Шончан. Слова, сказанные ему за дверным проемом, теперь были ясны: он не мог сражаться и с Шончан, и с Темным. Он должен был остановить продвижение Шончан до завершения Последней Битвы. А после, да пусть хоть Свет испепелит их всех.

Но почему Шончан не ответили на его просьбу о встрече? Они были злы от того, что он схватил Семираг? Он отпустил *сул'дам*. Разве это не говорило о его честных намерениях? Арад Доман докажет их. Если ему удастся прекратить сражения на Равнине Алмот, то он сможет показать Шончан всю серьезность его предложения о мире. Он заставит их увидеть это!

Ранд глубоко вздохнул, наблюдая из окна за лагерем. Восемь тысяч солдат Башира ставили остроконечные палатки, а по краю лугакопали ров и возводили земляной вал. Белые палатки выделялись на фоне растущего вала темно-коричневого цвета. Ранд приказал Аша'манам помогать в земляных работах, и хотя он сомневался, что им это нравилось, их помочь сильно ускоряла процесс. Кроме того, Ранд подозревал, что они – как и он сам – втайне наслаждались каждым предлогом удерживать *саидин*. Он мог видеть небольшую группку в плотных черных мундирах, вокруг которой сплетались потоки, пока они выкапывали очередной клочок земли. В лагере их было десять, хотя только Флинн, Нэфф и Наришма были полными Аша'манами.

Салдэйцы, одетые в свои короткие куртки, работали быстро. Одни ухаживали за лошадьми и окружали лагерь кольями. Другие нагружали полные лопаты земли из кучи, сооруженной Аша'манами, и укрепляли вал. Ранд видел недовольство на лицах многих салдэйцев. Им было не по душе ставить лагерь в лесистой местности, даже так скучно утыканной соснами, как этот склон. Деревья затрудняли атаку кавалерии и скрывали приближение противника.

Даврам Башир медленно ехал по лагерю, выкрикивая приказы сквозь свои густые усы. Рядом с ним шел Лорд Теллаэн, полный мужчина в длинном мундире и с тонкими доманийскими усиками. Они с Баширом были знакомы.

Лорд Теллаэн сильно рисковал, приняв у себя Ранда; укрытие войск Возрожденного Дракона могло быть расценено как предательство. Но кто мог его наказать? В Арад Домане царил хаос, трону угрожали сразу несколько мятежных фракций. И это не говоря уже о великом доманийском генерале Родэле Итурадлэ и его неожиданно успешной войне с Шончан на юге.

Как и его люди, Башир ходил без доспехов, в коротком синем мундире. На ногах у него были любимые им мешковатые брюки, концы которых были заправлены в высокие, до колен, сапоги. Что думал Башир о том, что был пойман Рандом в сети *та'верена?* И противостоял воле королевы, пусть и не открыто? Когда он в последний раз подчинялся своему законному правителю? Разве не обещал он, что поддержка его королевы будет незамедлительной? Сколько месяцев назад это было?

Я – Возрожденный Дракон, размышлял Ранд. Я разрываю все соглашения и клятвы. Прежние обеты больше не важны. Только Тармон Гай'дон имеет значение. Тармон Гай'дон, и слуги Тени.

- Интересно, найдем ли мы здесь Грендаль, - задумчиво проговорил Ранд.

- Грендаль? – переспросила Мин. – Почему ты думаешь, что она может быть здесь?

Ранд покачал головой. Асмодиан говорил, что Грендаль была в Арад Домане, хотя с того времени прошли месяцы. Была ли она все еще здесь? Это казалось вероятным; Арад Доман был одной из немногих крупных стран, в которых она могла бы находиться. Грендаль предпочитала иметь скрытую опору власти вдалеке от остальных Отрекшихся; она бы не стала устраиваться в Андоре, Тире или Иллиане. Тем более она не позволила бы поймать себя на юго-западе, где наступали Шончан.

Она бы засела в каком-нибудь тайном убежище. Так она действовала. Это могло быть что-то уединенное, возможно в горах, где-нибудь здесь, на севере. Он не мог быть уверененным в том, что она в Арад Домане, но это казалось ему *правильным*, с учетом всего, что он о ней знал. Что Льюс Тэрин о ней знал.

Однако эта была лишь одна из возможностей. Он будет осторожен, разыскивая ее. Каждый Отрекшийся, от которого он избавится, сделает сражение в Последней Битве гораздо легче. Это...

Тихие шаги приблизились к его закрытой двери.

Ранд отпустил Мин и они оба обернулись. Ранд потянулся к своему мечу – бесполезное теперь движение. Потеря руки, пусть и не основной в фехтовании, сделала его уязвимым при встрече с опытным противником. И хотя *саидин* представлял собой гораздо более могущественное оружие, первым делом он подумал о мече. Ему придется это изменить. Когда-нибудь это может обернуться для него гибелью.

Дверь открылась и вошла Кадсуане, самоуверенности не меньше, чем у королевы при дворе. Она была статной женщиной, с темными глазами и заостренным лицом. Темно-серые волосы были убранны в пучок, а дюжина крошечных золотых украшений – *ангриалов* и *тер'ангриалов* – висела на своих местах поверх него. Ее платье было из простой плотной шерсти, с перехваченной желтым поясом талией и желтой вышивкой на воротнике. Само платье было зеленым, и это неудивительно, ведь такова была ее Айя. Ранду иногда казалось, что ее строгое лицо – безвозрастное, как и любой Айз Седай, достаточно долго проработавшей с Силой, - больше подошло бы к Красной.

Ранд ослабил хватку на мече, но не отпустил его. Пальцами он ощущал покрытую тканью рукоять меча. Оружие было длинным, слегка изогнутым, а лакированные ножны были по всей длине расписаны извивающимся красно-золотым драконом. Выглядело оно так, будто было предназначено именно для Ранда, и в то же время его возраст исчислялся не одним столетием, а найдено оно было только недавно. *Как странно, что они нашли его именно сейчас*, подумал Ранд, *и подарили мне, совершенно не ведая, что было в их руках...*

Ранд сразу же стал носить этот меч. Он чувствовал, что меч идеально ему *подходит*. Он не сказал никому, даже Мин, о том, что узнал это оружие. И, что странно, не из воспоминаний Льюса Тэрина, а из своих собственных.

Кадсуане пришла не одна. Найнин не была неожиданностью; в последние дни она часто ходила за Кадсуане, словно за чужой кошкой, посягнувшей на ее территорию. Вероятно, она делала это для него. Темноволосая Айз Седай так и не перестала быть Мудрой из Эмондова Луга, что бы она ни говорила, и она не щадила никого из тех, кто, как она думала, пытался навредить ее подопечным. Если только, конечно, это не была сама Найнин.

Сегодня на ней было надето серое платье с желтой лентой поверх пояса – новейшая доманийская мода, как он слышал – и, в согласии с обычаем, на лбу была красная точка. На ней также было длинное золотое ожерелье и тонкий золотой поясок, с соответствующими браслетами и кольцами, усеянными крупными красными, зелеными и синими камнями. Драгоценности представляли собой *тер'ангриал*, или, вернее, несколько *тер'ангриалов* и *ангриал* в придачу, сопоставимые с теми, что носила Кадсуане. Ранд время от времени слышал, как Найнин ворчала, что под ее *тер'ангриалы*, с безвкусными кричащими камнями, невозможно было подобрать подходящие платья.

В отличие от Найнин, приход Аливии был неожиданностью. Ранд не знал, что бывшая *дамани* участвовала в... сборе информации. Однако предполагалось, что в Единой Силе она превосходит даже Найнин, так что, возможно, ее взяли для поддержки. Нельзя быть слишком осторожным там, где замешаны Отрекшиеся.

В волосах Аливии сквозила седина, и она была лишь немногим выше Найнин. Седина впечатляла – для женщины, направлявшей Единую Силу, она означала возраст. Совсем немалый возраст. Аливия утверждала, что ей было четыреста лет. Сейчас на бывшей *дамани* было ярко-красное платье, словно она бросала всем вызов. Большинство *дамани* после освобождения оставались смирными, но не Аливия – в ней чувствовался какой-то фанатизм, наводивший на мысли о Белоплащикниках.

Ранд ощущил, как Мин напряглась, и почувствовал ее раздражение. В конечном счете, Аливия поможет Ранду умереть. Это было в видении Мин – а они всегда сбывались. Кроме одного, когда Мин сказала, что ошибалась насчет Морейн. Может, это означало, что ему не придется...

Нет. Все, что заставляло его думать, будто он может пережить Последнюю Битву, все, что вселяло в него надежду, было опасным. Он должен быть достаточ-

но твердым, чтобы суметь принять то, что его ждет. Достаточно твердым, чтобы умереть, когда придет время.

Ты сказал, мы сможем умереть, заговорил Льюс Тэрин где-то на задворках его сознания. *Ты обещал!*

Кадсуане молча пересекла комнату и налила себе бокал прянного вина, стоявшего на маленьком сервировочном столике у кровати. Затем она уселась на один из красных кедровых стульев. По крайней мере она не потребовала, чтобы он налил ей вино. От нее и не такого можно ожидать.

- Итак, что вы узнали? – спросил Ранд, отходя от окна и также наливая себе вина. Мин подошла к кровати из кедровых бревен с облупленной спинкой красно-коричневого цвета и присела на нее, положив руки на колени. Она внимательно следила за Аливией.

Кадсуане приподняла бровь, услышав резкость в голосе Ранда. Он вздохнул и подавил раздражение. Он попросил ее стать его советником и согласился на ее условия. Мин говорила, что Кадсуане научит его чему-то важному – еще одно видение – и по правде говоря, ее советы уже не раз оказывались полезными. Она стоила того, чтобы терпеть ее постоянные требования вести себя пристойно.

- Как прошел допрос, Кадсуане Седай? – спросил Ранд, уже спокойнее.

Она улыбнулась себе.

- Довольно неплохо.

- Довольно неплохо? – воскликнула Найнив. Она ничего не обещала Кадсуане относительно вежливости. – Эта женщина просто выводит из себя!

Кадсуане отпила немного вина.

- А что еще можно было ожидать от одной из Отрекшихся, дитя. У нее была масса времени, чтобы попрактиковаться в... выведении из себя.

- Ранд, это... существо – камень, – проговорила Найнив, повернувшись к нему. – Она едва выдала хоть одну полезную фразу за все эти дни допросов! Она только объясняет, насколько мы темны и отсталы, иногда добавляя, что в конце концов она всех нас убьет. – Найнив потянулась к своей длинной косе, но вовремя остановила себя, так и не дернув за нее. С этим онаправлялась все лучше и лучше. Ранд не понимал, зачем она вообще об этом беспокоилась, учитывая, насколько очевиден ее характер.

- Несмотря на всю эту сентиментальную болтовню, – заговорила Кадсуане, кивая в сторону Найнив, – девочка верно понимает ситуацию. Пфф! Когда я сказала ‘довольно неплохо’, это нужно было понимать как ‘настолько хорошо, насколько нам позволяют наши прискорбные ограничения’. Нельзя завязать глаза художнику, а потом удивляться, что он ничего не может нарисовать.

- Это не живопись, Кадсуане, – сухо ответил Ранд. – Это пытки. – Ранд встретил взгляд Мин и ощутил ее беспокойство. Она беспокоилась о нем? Но ведь это не его пытали.

Сундук, прошептал Льюс Тэрин. Мы должны были умереть в сундуке. Тогда... тогда все бы уже закончилось.

Кадсуане потягивала свое вино. Ранд же к своему даже не притронулся, он и так знал: специи были настолько сильны, что делали напиток горьким. Лучше уж так, чем наоборот.

- Ты требуешь от нас результатов, мальчик, – произнесла Кадсуане, – но в то же время ты отказываешь нам в инструментах, необходимых для их добычи. Можешь называть это пыткой, допросом или выпечкой, но я называю это глупостью. Если бы нам было позволено...

- Нет! – прорычал Ранд, махнув перед ней рукой... культай. – Вы не станете ей угрожать и не причините ей вреда.

Темный сундук, неудобное положение и частые побои. Он не станет так обращаться с женщиной, находившейся в его власти. Даже с одной из Отрекшихся.

- Можете допрашивать ее, но есть вещи, которые я не допущу.

Найнив фыркнула.

- Ранд, она же *Отрекшаяся*, мы даже не представляем, насколько она опасна!

- Я сознаю угрозу, – спокойно ответил Ранд, показывая всем обрубок на месте его левой кисти. Изображение казавшегося металлическим красно-золотого туловища дракона сверкнуло в свете ламп. Голову поглотил Огонь, в котором чуть не погиб сам Ранд.

Найнив глубоко вздохнула.

- Что ж, тогда ты *должен* понимать, что обычные правила к ней неприменимы!

- Я сказал нет! – произнес Ранд. – Вы будете допрашивать ее, но не причините ей боль! – *Только не женщине. Я сохранию хотя бы эту частицу света внутри меня. И без того слишком много женщин страдало и погибло из-за меня.*

- Если ты этого хочешь, мальчик, – коротко сказала Кадсуане, – то так оно и будет. Только не жалуйся, если мы не сможем вытянуть из нее, что она ела вчера на завтрак, не говоря уже о местоположении других Отрекшихся. Не понятно, зачем ты вообще настаиваешь на продолжении этого фарса. Может, нам стоит просто передать ее Белой Башне и дело с концом.

Ранд отвернулся. Снаружи солдаты закончили проверять лошадей. Коновязи были в порядке, ровные и прямые, у каждой лошади места ровно столько, сколько нужно.

Передать ее Белой Башне? Этого никогда не произойдет. Кадсуане ни за что не выпустит Семираг из своей хватки, пока не получит все нужные ей ответы. За окном все так же дул ветер, и его собственные знамена развевались перед его глазами.

- Передать ее Белой Башне, говоришь? – сказал он, бросив взгляд обратно в комнату. – Которой Белой Башне? Ты доверишь ее Элейде? Или ты имела в виду других? Сомневаюсь, что Эгвейн сильно обрадуется, если я подсуну ей одну из Отрекшихся. Она скорее отпустит ее и возьмет в плен меня. Поставит на колени перед правосудием Белой Башни и укротит, только чтобы подняться еще выше.

Найнин нахмурилась.

- Ранд! Эгвейн никогда...

- Она Амерлин, - произнес он, залпом осушив бокал вина. Вино было таким же мерзким, каким он его помнил. – Айз Седай до мозга костей. Для нее я всего лишь еще одна пешка.

Да, заговорил Льюс Тэрин. Нужно держаться от них подальше. Ты же знаешь, они отказались нам помочь. Отказались! Сказали, что мой план слишком безрассуден. У меня осталось только Сто Спутников, и ни одной женщины, чтобы сформировать круг. Предатели! Это они во всем виноваты. Но... но это я убил Илиену. Почему?

Найнин что-то сказала, но Ранд проигнорировал ее. *Льюс Тэрин?* обратился он к голосу. *Что ты сделал? Женщины отказались помочь? Почему?*

Но Льюс Тэрин снова начал рыдать, и его голос стал отдаленным.

- Скажи мне! – вскричал Ранд, бросив бокал на пол. - Сожги тебя Свет, Убийца Родичей! Говори со мной!

В комнате повисла тишина.

Ранд моргнул. Он никогда... никогда раньше не пытался заговорить с Льюсом Тэрином вслух там, где его могли услышать. А теперь они знали. Семираг рассказала о голосе, который он слышал, выставив Ранда обычновенным безумцем.

Ранд поднял вверх руку и провел ею по волосам. Вернее, попытался... но он воспользовался культей, и у него ничего не вышло.

Свет! подумал он. *Я теряю над собой контроль. В половине случаев я не знаю, где мой голос мой, а где его. Это должно было измениться, когда я очистил саидин! Я должен был оказаться в безопасности...*

Нет, пробормотал Льюс Тэрин. *Мы уже сошли с ума. Обратного пути нет.* Он начал хихикать, но смех перешел в рыдания.

Ранд обвел взглядом комнату. В темных глазах Мин было столько тревоги, что ему пришлось отвернуться. Аливия, наблюдавшая за разговором о Семираг с присущей ей проницательностью, казалась слишком понимающей. Найнин все-таки сдалась и дернула себя за косу. В кои-то веки, Кадсуане не одернула его за его вспышку. Вместо этого она продолжала потягивать свое вино. Как она вообще могла его пить?

Мысль была мелкой и нелепой. Ранду хотелось смеяться. Только он не мог издать ни звука. Он больше не был способен даже на мрачный юмор. *Свет! Я так больше не могу. Мои глаза видят как в тумане, руку я потерял в огне, а старые раны в моем боку открываются при первом неосторожном движении. Я иссушен, как старый колодец. Нужно заканчивать здесь свои дела и отправляться в Шайл-ол Гул.*

В противном случае, от меня ничего не останется и Темному некого будет убивать.

Эта мысль не вызывала смеха, она вызывала отчаяние. Но Ранд не плакал, ведь у стали не бывает слез.

А пока, рыданий Льюса Тэрина хватало им обоим.